

И.Ю.Веселова

Мексиканский университетский антикоммунистический фронт (1955–1973)

Влияние католической церкви и борьба за контроль университетской среды

В статье рассматривается история возникновения и деятельности Мексиканского университетского антикоммунистического фронта (*Frente Universitario Anticomunista, FUA*) — католической молодежной организации правого толка, сформировавшейся в Пуэбле. Опираясь на широкий спектр источников, автор ставит перед собой цель выявить идеологическую базу *FUA* и определить основные методы борьбы этой организации с идейными противниками. Основанный под покровительством церковных деятелей Пуэблы, *FUA* представлял собой гибридную общественную организацию, сочетающую элементы открытого и секретного сообществ. Демонстративно эксплуатируя громкие лозунги о борьбе с коммунизмом, члены *FUA* ставили перед собой вполне практические цели, заключавшиеся в установлении контроля над университетской средой и влиянии на политику в регионе. Однако в условиях постепенной либерализации и секуляризации университетского пространства Мексики середины XX в. стратегия борьбы *FUA* оказалась неэффективной.

Ключевые слова: Мексика, католическая церковь, университеты, власть, идеология.

DOI: 10.31857/S0044748X0021208-7

Статья поступила в редакцию 19.05.2022.

Веселова Ирина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарно-социальных наук Российского университета дружбы народов (РФ, 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, veselova-iyu@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4392-7829>).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00103 «Правый радикализм и фашизм в Латинской Америке в XX в.».

Рассматривая деятельность католической церкви в Мексике в XX в., отечественные историки обычно выделяют среди прочих сюжет о движении «кристерос» (1926—1929 гг.) [1; 2, сс. 7-20], обходя вниманием историю многочисленных католических молодежных организаций правого толка. Практически неизученной в России остается история этих сообществ во второй половине XX в. Однако мексиканские исследователи довольно подробно анализируют деятельность открытых организаций по типу Университетского антикоммунистического фронта (*Frente Universitario Anticomunista, FUA*) или Университетского движения обновленческой направленности (*Movimiento Universitario de Renovadora Orientación, MURO*), а также покровительствовавших им тайных католических организаций Лос Текос (*Los Tecos*) и Эль Юнке (*El Yunque*). Среди работ на эту тему следует выделить труды исследователя из Национального автономного университета Мексики (*Universidad Nacional Autónoma de México, UNAM*), Луиса Анхеля Уртадо. В своем обзоре различных правых и ультраправых католических организаций, возникавших в Мексике на протяжении XX в., он дает подробную характеристику каждой из них, стараясь проследить их общие черты и определить различия между ними [3]. Другие мексиканские авторы, в частности, Альваро Дельгадо и Марио Вирхилио Сантьяго Хименес, сосредоточили свое внимание на деятельности упомянутых выше тайных католических организаций *Los Tecos* и *El Yunque*, пытаясь выявить механизмы их политического и социального влияния [4]. В исследовании, посвященном *MURO* (открытой организации, за которой стояла *El Yunque*), М.В.Сантьяго Хименес отметил ее преемственность по отношению к *FUA* [5]. Перечисленные работы важны для понимания исторического контекста, в котором возник и действовал *FUA*.

В этой статье впервые в отечественной историографии путем введения в научный оборот ряда новых исторических источников рассматриваются история возникновения и основные эпизоды деятельности *FUA* в контексте преемственности деятельности мексиканских правых католических организаций. Цель статьи — выявить особенности идеологической базы *FUA* и определить причины его поражения в борьбе с идеяными противниками, опираясь на документы из личного архива бывшего члена *El Yunque* и второго президента *FUA* Мануэля Антонио Диаса Сида, опубликованные Л.А.Уртадо, а также документы католической церкви, публикации в прессе и воспоминания современников событий.

В теоретическом плане статья базируется на концепции структуралистского конструктивизма Пьера Бурдье, в рамках которой *FUA* рассматривается в качестве социальной структуры, сформированной отдельными социальными агентами, но при этом подчиняющей вступающих в него индивидов структурным правилам. Методологически данное исследование основано на историко-генетическом анализе, позволившем выявить преемственность идеологических основ *FUA*, а также историко-системном подходе, дающем представление о структуре и функциях *FUA* при их рассмотрении сквозь призму организации вертикальных и горизонтальных связей. Применение факторного анализа основных эпизодов деятельности *FUA* позволило определить его роль в развитии правого католического движения в Мексике.

Ирина Веселова

В середине 1950-х годов вектор внутриполитических процессов в Мексике во многом определялся холодной войной. Успех Кубинской революции 1959 г., установление тесных связей между правительством Фиделя Кастро и руководством СССР, а также активная пропаганда марксистско-ленинских принципов новым кубинским режимом вызвали сильное беспокойство у мексиканских правых сил. Несмотря на декларируемый политический плюрализм, все господствующие позиции в политической верхушке Мексики на тот момент занимали представители Институционно-революционной партии (*Partido Revolucionario Institucional, PRI*). Установившиеся во второй половине 1940-х годов партийная и избирательная системы позволяли *PRI* прочно держаться у власти посредством контроля над избирательной комиссией [6, с. 33]. Фактическое срачивание партии и государственного аппарата до конца 1970-х годов не оставляло оппонентам *PRI* шансов для влияния на политический процесс. Системная оппозиция, представленная Социалистической народной партией (*Partido Popular Socialista, PPS*) и Подлинной партией мексиканской революции (*Partido Auténtico de la Revolución Mexicana, PARM*), лишь создавала видимость электоральной борьбы. В этих условиях мексиканские правые, представленные Партией национального действия (*Partido Acción Nacional, PAN*), оставались на политической периферии, а крайне правые силы, традиционно тесно связанные с католической церковью, в период с 1940 по 1988 г. вообще не проявляли себя открыто в политическом процессе, обладая слабым влиянием в обществе [7, р. 40]. Единственным пространством для реальной политической конкуренции в этой ситуации оставались органы местного самоуправления, университеты и профсоюзы.

Основными зонами активности правых в рассматриваемый период были регион Бахио, включающий территорию нескольких штатов в центральной части Мексики, а также штат Пуэбла, где они контролировали общественные организации, целью которых была борьба с коммунистическими и социалистическими идеями, а также идеями, противоречащими христианскому вероучению. Правые силы имели глубокие исторические корни именно в Бахио, где возникло радикальное право-католическое движение синаркистов*, способное провести массовую социальную мобилизацию низов под лозунгами католического фундаментализма, корпоративизма и испанского национализма [8]. В Пуэбле к концу 1930-х годов также укрепилась консервативная социальная модель, для которой был характерен союз местной политической элиты и церкви в сочетании с жестким корпоративным контролем не только над общественными организациями, но и многими институтами гражданского общества, в том числе над СМИ и

Синáхия (от греч. συναρχία — «совладение», «соуправление») — религиозно-философское понятие противоположное «анархии», предполагающее иерархический закон существования безупречного организма человечества; также является обозначением не-гласного правления узких элитарных кругов ряда стран первой половины XX в., в том числе и Мексики, а также широко распространяемой идеологии данных элит. Мексиканский синарканизм в 1930—1940-е годы представлял собой влиятельную силу, объединяя интегралистский католицизм, испанизм, традиционализм в идеологии и сочетание тоталитарных практик с отказом от борьбы за власть в политике. — *Прим. ред.*

университетом [9, р. 212]. Активность правых в Пуэбле была во многом обусловлена перманентной локальной борьбой с левыми: Коммунистическая партия Мексики (*Partido Comunista Mexicano, PCM*) с конца 1920-х годов пользовалась поддержкой среди местных крестьян [10, р. 47].

К середине XX в. в Мексике, на фоне общего социально-политического подъема, роста образовательной сферы и ее постепенной секуляризации, одной из наиболее уязвимых для проникновения левых идей оказалась университетская среда. После подавления профсоюзного рабочего движения в конце 1950-х годов новым полем борьбы между государством и народными движениями стали образовательные учреждения [10, р. 232]. Среди студентов, выступавших за демократизацию университетского пространства и уставших от традиционных, контролируемых сверху объединений, наблюдался запрос на организации, действительно независимые от государства и высших слоев общества. Католические правые реагировали на эти процессы созданием собственных объединений студентов, на которые можно было бы опереться в университетской среде.

На протяжении всего XX столетия в Мексике возникали различные открытые молодежные католические организации правого толка. В 1913 г. была основана Католическая ассоциация мексиканской молодежи (*Asociación Católica de la Juventud Mexicana, ACJM*), ставшая образцом для появлявшихся впоследствии объединений. Ее члены организовали в 1925 г. Национальную лигу защиты религиозной свободы (*La Liga Nacional Defensora de La Libertad Religiosa*) и активно участвовали в войне «кристерос». В 1931 г. был основан Национальный союз студентов-католиков (*Unión Nacional de Estudiantes Católicos, UNEC*), составивший конкуренцию *ACJM* в университетской среде. В отличие от *ACJM*, *UNEC* старался держать дистанцию с представителями церкви и избегать любого намека на секретность [3, р. 145]. Несмотря на то, что официально католическая церковь не приветствовала открытое участие таких ассоциаций в политической деятельности, их члены все равно интересовались политикой. Более того, их церковные наставники поощряли этот интерес в частном порядке. В отличие от указанных выше организаций, Национальный синаркистский союз (*La Unión Nacional Sinarquista, UNS*), возникший в 1937 г., уже носил откровенно политический характер и находился в оппозиции правительству Ласаро Карденаса (1934—1940 гг.) [3, р. 148]. За перечисленными объединениями, стремившимися поддерживать христианский социальный порядок, помимо представителей церкви часто стояли и члены тайных ультраправых католических групп. Ярким примером такого взаимодействия был и *FUA*.

Фронт возник в 1955 г. в Университете Пуэблы. О его инаугурационном заседании официально сообщила газета *El Sol de Puebla* [11, р. 1], ставшая впоследствии основным печатным органом объединения. По официальной версии идея создания католической студенческой организации принадлежала Рамону Плате Морено [12, р. 191]. Р.Плате Морено был лидером группы студентов, закончивших контролируемый иезуитами Институт Ориенте (*Instituto Oriente*) в Пуэбле и основавших в 1953 г. тайную антикоммунистическую католическую организацию, впоследствии получившую название *El Yunque* [5, р. 197]. *El Yunque*, как и возникшая ранее, в

1935 г., организация *Los Tecos*, представляли собой закрытые тайные общества со строгой иерархией, декларировавшие в качестве основной цели защиту католической религии перед лицом коммунизма, масонства и еврейского заговора [13, pp. 59-60]. Костяк будущего *FUA*, помимо Платы Морено, составили Хосе Антонио Кинтана, Мануэль Родригес Конча, Мануэль Антонио Диас Сид, тоже являвшиеся членами *El Yunque*, а также Клаус Флеминг, Хесус Корро Феррер, Теодоро Терес, Хосе Антонио Аррубаррена, Давид Браво и Сид де Леон.

Мексиканские авторы выдвигают различные версии возникновения *FUA*. Сотрудник Института социальных исследований *UNAM* Фернандо Гонсалес, ссылаясь на заявления третьих лиц, в частности, иезуитов Мануэля Асвеса и Эстебана Паломеро Кироса, хорошо знакомых с верхушкой католического клира Пуэблы, полагает, что за этим молодежным объединением стояла группа *Los Tecos*, поскольку, по его словам, инициатива создания исходила не от самого Платы Морено, а от отца Мануэля Фигероа Луны [14, p. 250]. М.Фигероа, бывший наставником Платы Морено еще со времен учебы последнего в *Instituto Oriente*, с 1945 г. занимал должность ректора Института наук Иезуитской коллегии Гвадалахары (*Colegio Jesuita de Guadalajara*), а также являлся одним из советников *Los Tecos*.

М.В.Сантьяго Хименес полагает, что *FUA* возник как официальная «витрина» другой тайной католической организации — *El Yunque*, — нуждавшейся в вербовке боевиков и развитии публично-политической деятельности [5, p. 197]. Его коллега А.Дельгадо также отводит *El Yunque* главную роль в создании *FUA*, но уже как организации, которая должна была помочь достичь автономии в университетском образовании и препятствовать социалистическим реформам образования, исходившим от правительства Карденаса [4, p. 57]. Л.А.Уртадо, проанализировав концепции указанных выше авторов, приходит к заключению, что *FUA* служил прикрытием и для *El Yunque*, и для *Los Tecos* [3, p. 170]. С помощью *FUA* эти общества могли открыто вести общественную деятельность, а также вербовать новых членов. Фактически *FUA* представлял собой гибридную общественную организацию, сочетающую элементы открытого и закрытого, секретного сообществ. Он был организован студентами под покровительством церковных деятелей Пуэблы без прямого участия каких-либо официальных политических сил, к примеру, *PAN*.

ИДЕОЛОГИЯ *FUA*

Члены *FUA* рассматривали коммунизм как главного врага церкви. Однако это идеологическое противостояние имело более сложный контекст, заключавшийся в представлениях разных групп о том, как должно быть устроено общество. В личном архиве М.Диаса Сида сохранилась листовка, которую сторонники Фронта раздавали в Пуэбле в 1955 г. Она начинается следующими словами: «В час кризиса, который переживает Человечество, в результате бесконечной череды идеологических отклонений, зафиксированных в прошлые века: после религиозного раскола XVI в., анархии и террора, происходящих из-за революций и вследствие великой утопии, порожденной либерализмом во всех его проявлениях, оно [Человечество]

оказывается теперь перед своим чудовищным творением — коммунизмом, разрушающим то, что христианская цивилизация считает своим основанием: Религию, Семью и Собственность; он [коммунизм] поставил человека в ложное положение, заставляя решать свою судьбу в крайне антагонистических полях спиритуализма и материализма» [15, р. 164]. Подобное неприятие социальных течений, подрывающих устоявшиеся понятия религии, семьи и собственности укладывалось в рамки «непримиримого социального католицизма», появившегося в Мексике еще в конце XIX в. в качестве ответа на усиливающуюся секуляризацию социального и политического мира светской и либеральной, а затем и революционной Мексики [16, р. 22]. В этом контексте, как подробней будет рассмотрено далее, проявляется идеальная преемственность *FUA* по отношению к предшествующим правым мексиканским католическим организациям.

Если в конце XIX в. основным врагом церкви был провозглашен социализм, то после российской Февральской революции 1917 г. его место занял коммунизм, неприязнь к которому в среде католических правых еще больше обострилась после Кубинской революции. Основная опасность коммунизма виделась правым в стирании классовых границ, что, по их мнению, подрывало христианский общественный порядок. В этом смысле члены *FUA* являлись продолжателями дела *ACJM*, основанной еще в 1913 г. *ACJM* и подобные ей молодежные католические организации изначально ориентировались на папские энциклики Льва XIII (1878—1903 гг.), содержащие призыв к установлению так называемой христианской демократии, основные принципы которой были сформулированы в энциклике *Graves de cunctis*, изданной в 1901 г. Христианская демократия должна была «основываться на принципах божественной веры» и стремиться к «оздоровлению духа», ставя во главу угла «справедливость, которая предписывает сохранить в неприкосновенности право собственности, защищает многообразие классов, типичное для любого благоустроенного общества, и хочет, чтобы его форма была таковой, какой его видит сам Бог, его создатель» [17]. Подобное поддержание христианского общественного порядка, за который боролись *ACJM* и другие мексиканские молодежные католические организации, постулировалось и в качестве одной из целей деятельности *FUA*: «Выступать за реализацию подлинной социальной справедливости, основанной на признании частной собственности и уважении к семье как основной ячейке общества для лучшего распределения национального богатства» [15, р. 166].

В программе *FUA* также отразилась преемственность церковных идей о решении рабочего вопроса. Одна из целей предполагала «изучение социальных проблем во всех их аспектах для справедливого установления обязанностей и прав рабочих и предпринимателей, для укрепления гармоничного сотрудничества между капиталом и трудом» [15, р. 166]. Эта задача практически полностью перекликалась с установками, данным Ватиканом еще в энциклике от 1891 г. *Rerum Novarum*: «Церковь, может в значительной степени примирить друг друга и соединить богатых с пролетарием, то есть призвать оба класса к исполнению их соответствующих обязанностей» [18]. Признавая проблему положения рабочих, Папа Лев XIII критиковал стремление социалистов к отъему и перераспределению благ. В качестве альтернативы социалистическим профсоюзам предлагалось создавать католиче-

ские ассоциации, в которых представители мексиканского католического клира видели серьезную силу для реализации практических социальных задач.

Идея опоры церкви на католические ассоциации предполагала, что христианизация будет осуществляться через конфессиональные институты в образовательной, культурной, экономической и политической сферах, за счет чего будет создано пространство для новой «религиозной» католической среды и для христианизации секуляризованного общества [19, р. 36]. Поскольку для этого предполагалось использовать хорошо обученных миран, то становится ясно, почему именно иезуиты сыграли такую важную роль в формировании *FUA*. Члены Ордена Иисуса, как наиболее прагматичные представители католической церкви, поощряли так называемое социальное служение, а также транслировали ключевые идеи церкви в Западное полушарие [19, р. 35].

Образовательная сфера стала важнейшим местом битвы за умы. Официальной целью *FUA* было «изгнать коммунизм из университета и вообще из всех учреждений культуры страны, раз и навсегда покончив с коварной проповедью ненависти и классовой борьбы» [15, р. 166]. Борьбу за умы молодежи предполагалось вести посредством идеологического и практического воспитания.

К особенностям *FUA* можно отнести опору на национальный дух при постулировании гармоничного сосуществования латиноамериканских народов. В листовках *FUA* первой целью организации была указана следующая: «Направляйте народ Мексики к его истинной миссии как нации, которая является частью великой латиноамериканской семьи» [15, р. 166]. Л.А.Уртадо приводит еще один важный документ из личного архива М.Диаса Сида, в котором подчеркивается, что «Иbero-Америка — это единая великкая нация, близкая к обретению единства судьбы в рамках гармонии наций» [20, р. 167]. Идея об общности пути развития всех латиноамериканских народов отчасти укладывалась в проекты латиноамериканской интеграции, но при условии сохранения национальных границ, что предполагало борьбу «за развитие национальной доктрины общепонятного народного величия, не препятствующей мирному сосуществованию народов, соответствующей природе и традициям нашей страны» [15, р. 167]. Коммунизм в этом контексте расценивался мексиканскими правыми как антинациональное явление.

Анализ идеологических основ *FUA* показывает, что они уходят корнями в идеи социального католицизма, предложенные Ватиканом еще на рубеже XIX—XX вв. Реализация исторического предназначения мексиканской нации виделась членам *FUA*, как и участникам предшествовавшей ему *ACJM*, в укреплении христианской демократии, что свидетельствует о преемственности идей среди молодежных католических организаций на протяжении первой и второй трети XX в.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ *FUA*

Вступление в *FUA* не требовало принесения присяги и было добровольным, поэтому покидать организацию можно было абсолютно свободно. Однако по признанию М.Диаса Сида, *FUA* можно было разделить на «ближний круг» и всех остальных [3, р. 169]. Это подчеркивало корпоративный характер, присущий католическим объединениям, и косвенно сви-

действовало о связи *FUA* с тайными католическими организациями, построенными по иерархическому принципу и предполагавшими допуск в ближайший круг только после тщательной проверки потенциального участника на надежность. Но помимо прикрытия деятельности *Los Tecos* и *El Yunque*, *FUA*, как впоследствии и *MURO*, выполнял функцию «фильтра», подбирающего на работу нужных кандидатов, был учебной площадкой, а также помогал устанавливать связи с предпринимателями, оказывавшими финансовую поддержку правым, и журналистами, освещавшими деятельность организации в СМИ [21]. При этом деятельность *FUA* была ограничена сильным влиянием архиепископа Пуэблы.

Постепенно *FUA* приобрел большую значимость в штате Пуэбла. Этому способствовала общественно-политическая среда региона, для которой, как уже отмечалось выше, был характерен правый уклон. Распространяя листовки, проводя пропагандистские кампании, включающие публичные марши и митинги, *FUA* привлекал к себе внимание со стороны общественности и местных предпринимателей, многие из которых стали не только финансировать его деятельность, но и сами вступили в его ряды. Однако основным инструментом организации в борьбе за собственные идеи были не листовки и демонстрации, а открытые столкновения с идеологическими противниками, часто сопровождавшиеся применением насилия. Наиболее серьезные из этих столкновений произошли в борьбе за влияние в университетской среде Пуэблы в середине XX в.

События в университете Пуэблы, разворачивавшиеся во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов, невозможно рассматривать вне контекста столкновения двух общественно-политических течений: католического консервативно-социального и светского социального [22, р. 211]. Первое было традиционно сильно в Пуэбле еще с 1930-х годов, однако во второй половине 1950-х его влияние в регионе и, в частности, в локальной университетской среде начало снижаться. Причинами потери влияния в образовательной сфере стали секуляризация профессорского состава, появление новых светских школ и рост числа иностранных студентов. Университет перестал быть пространством исключительно представителей местного среднего и высшего класса, воспитанных по католическим канонам.

Первым тревожным сигналом для правых стало вступление в 1947 г. в должность ректора сторонника светского образования Орасио Лабастиды Муньоса [22, р. 215]. Он ввел в университетскую программу научную и философскую мысль XX в. и дал возможность либеральному меньшинству закрепиться в университете. В 1952 г. правые смогли сместить его с поста ректора, но процесс уже был запущен.

Федерация студентов Пуэблы, в которой теперь были представлены сторонники различных политических взглядов, начала выступать с требованиями университетской автономии. Однако единого проекта того, как она должна быть организована, не было: для сторонников либерализма она представляла собой возможность образования политической оппозиции действующей консервативной власти, для коммунистов означала небольшую победу в классовой борьбе, а для католиков — возможность восстановить христианское образование [23, р. 94]. В рамках дискуссии между представителями перечисленных групп университетский конфликт приоб-

рел явный политический контекст. Но на тот момент дело решила действующая власть. В ноябре 1956 г. правые силы получили поддержку губернатора штата Пуэбла Рафаэля Авилы Камачо в университете вопросе. Он утвердил Органический закон Автономного университета Пуэблы, который предусматривал создание университетского Почетного совета, большинство членов которого были представителями консервативного крыла: сторонники *PAN*, *UNS*, *FUA* и Рыцарей Колумба (*Knights of Columbus, K of C*) [24, р. 5]. Таким образом, автономия университета оказалась, скорее, номинальной, поскольку все внутренние вопросы решал Почетный совет, не учитывавший мнения студентов и преподавателей.

Однако эта победа правых в университете оказалась кратковременной. Новый губернатор Фаусто Мануэль Ортега, занявший пост в 1957 г., дистанцировался от решений своего политического предшественника, перестав оказывать открытую поддержку *FUA* [5, р. 198]. Кроме того, укрепление позиции правых в университете привело к консолидации левых сил. Сторонники социалистических и либеральных идей стали все больше сближаться друг с другом. В 1958 г. были сформированы сразу две университетские молодежные организации левой направленности: Националистический университетский фронт (*Frente Nacionalista Universitario, FNU*) и Либеральный университетский блок (*Bloque Liberal Universitario, BLU*) [22, р. 218]. Они выступали не только за секуляризацию и либерализацию университетской среды, но и активно участвовали в социальных протестах, поддерживая рабочих. Либералы, объединенные во *FNU* и *BLU*, и связанные с *PCM* левые, только организовавшие в университете свои первые ячейки, быстро нашли точки соприкосновения в деле защиты народных интересов [25, р. 123]. Общими характеристиками для них стали требование провести глубокую университетскую реформу, непринятие войны во Вьетнаме (1955—1975 гг.) и поддержка Кубинской революции [26, pp. 57-58]. Именно благодаря успехам последней социалисты и коммунисты, до этого представленные в мексиканских образовательных учреждениях небольшими группами, получили возможность привлечь больше сторонников. Реагируя на эти тенденции, руководство Автономного университета Пуэблы продемонстрировало еще больший уклон вправо: первого ректора, оказавшего негласную поддержку *FUA*, 5 декабря 1959 г. сменил на посту его приемник, Армандо Герра Фернандес, избранный Почетным советом за свои консервативные взгляды и уже открыто поддерживавший *FUA*.

К 1961 г. под влиянием событий на международной арене ситуация окончательно обострилась. В апреле США оказали логистическую помощь операции кубинских эмигрантов, намеревавшихся свергнуть правительство Фиделя Кастро (1959—2008 гг.), в заливе Плайя-Хирон. Операция, хоть и провалившаяся, вызвала серьезный международный резонанс. 17 апреля университетские либеральные и левые группы Пуэблы организовали демонстрацию в поддержку Кубинской революции, осудив американскую агрессию. Нападение демонстрантов на редакцию газеты *El Sol de Puebla*, занимавшей проамериканскую и антикоммунистическую позицию, вылилось в столкновения с полицией, пытавшейся не допустить перерастания митинга в уличные беспорядки. Результатом стали ранения 20 студентов и

10 полицейских [22, р. 221]. После этого более тысячи студентов вышли к муниципальному дворцу, чтобы осудить насилие со стороны властей.

Церковь немедленно выразила беспокойство по поводу демонстрации левых. Архиепископ диоцеза Пуэблы Октавиано Маркес и Торис четко обозначил позицию местного клира: «Нам не нужны экзотические доктрины из-за границы... Мексики нам достаточно. Мексики настоящей и верующей. Нельзя быть одновременно коммунистом и католиком» [27, р. 1]. На это заявление сторонники правых сил тут же отозвались действием. Когда М. Антонио Диас Сид возглавил *FUA*, организация призвала своих сторонников выйти 24 апреля на ответную демонстрацию против режима Ф. Кастро. На призыв *FUA* откликнулись не только ее члены, но и их единомышленники из числа обучающихся в частных католических школах и горожане, разделяющие правые взгляды. В свою очередь левые практически одновременно устроили новый марш, что закономерно вылилось в очередные, теперь уже прямые столкновения между непримиримыми противниками. Либералы и левые потерпели поражение в этой стычке с правыми и в качестве очередного ответного шага решили на следующий день собраться у стен Коллегии Бенавенте (*Colegio Benavente*), бывшей в то время воспитательным учреждением военизированного профиля, основанным сторонниками идеи Фердинанда Лассала, отрицавшими классовую борьбу и революцию, и являвшимся одним из основных центров *FUA* [5, р. 198]. Однако путь демонстрантам преградили военные, поэтому марш закончился лишь небольшим материальным ущербом для Коллегии в виде нескольких разбитых окон.

Поняв, что прежняя тактика не приносит успеха, либералы и левые предприняли иные меры. 26 апреля Комитет студенческого протеста — представительный орган студентов — сторонников левых идей — потребовал от ректора исключения из Свободного университета членов *FUA*. В ответ на эту инициативу университетские правые вместе с поддержавшими их местными предпринимателями создали Координационный совет горожан Пуэблы, в свою очередь потребовавший исключить своих идеологических противников из университета. Новый виток конфликта между правыми и левыми студентами привел к тому, что 1 мая Комитет студенческого протеста захватил главный корпус университета под названием *Carolino* («Каролино»), отчего членов Комитета стали называть «каролинос». Они требовали соблюдения ст. 3 Конституции, гарантировавшей доступ мексиканцев к светскому, бесплатному, качественному образованию, а также проведения университетской реформы и исключения из университета нескольких преподавателей правых взглядов и лидеров *FUA* [22, р. 224].

В этот момент в события вмешалась католическая церковь Пуэблы. 15 мая архиепископ Маркес и Торис обратился к членам городской общины с пастырским посланием, написанным им в ознаменование 70-летнего юбилея опубликования папской энциклики *Rerum Novarum*. Он снова четко обозначил антикоммунистическую позицию местного клира, подчеркнув, что события, разворачивающиеся в Пуэбле, — это не просто локальный студенческий конфликт: «У нас есть аргументы, позволяющие утверждать, что многое из того, что происходит на нашей родине, а в последнее время и в нашем городе Пуэбла, глубоко связано с международными заговорами, с общемировым планом уничтожения нашей христианской цивилизации, с

титаническими усилиями сил зла, чтобы захватить нашу страну и все народы... Мы говорим вам всей силой духа: взгляните на дьявольскую тактику врага. Из Советской России он присыпает своих эмиссаров. Он распространяет их по всему миру, а теперь особенно в нашей Латинской Америке» [28, р.4]. Обращение архиепископа произвело большой эффект: предприниматели Пуэблы, объединившись с правыми студентами в Координационный совет горожан Пуэблы, с лозунгами «Христианству да! Коммунизму нет!» призвали жителей Пуэблы к общему сбору горожан в стенах городского собора 4 июля [25, р. 142]. Проведенное собрание укрепило образ церкви и правых сил как единого сплоченного фронта, но не принесло успеха в университетской среде.

Когда казалось, что новый виток противостояния между идеологическими противниками закончится массовой бойней, в конфликт наконец-то вмешались власти штата, которые в период между 21 и 24 июля отменили действующий Органический закон Автономного университета Пуэблы, лишив правых возможности контроля над Почетным советом, избиравшим ректора. 24 июля правительством был принят новый Органический закон, по которому распускался Почетный совет, Университету Пуэблы предстояла полная автономия, а также запрещался любой прозелитизм в подрывных целях [22, р. 228]. Этот «красный закон», как его тут же прозвали правые, лишенные власти в совете, вызвал возмущение среди сторонников консервативных сил. Они обвиняли действующую власть в «кастроизации» университета [29, р. 78]. Опираясь на идеи, изложенные в пастырском послании архиепископа Маркеса и Ториса, студенты правых взглядов написали властям открытое письмо, в котором заявили, что отвергают возглавившую университет коммунистическую группу, и призвали подавить коммунистическое движение, указав на то, что «оно идет против наших традиций и мексиканской национальности» [30, с. 86]. Студенческое движение правого толка получило реальную поддержку со стороны местных предпринимателей, пригрозивших прекратить платить налоги правительству штата, которое вмешалось в университетскую автономию. Уже 3 августа более 200 студентов — сторонников *FUA*, возмущенных новым законом, вышли на улицы под предводительством Диаса Сида [31, р. 109]. Конфликт накалялся все сильнее и сильнее, а власти все менее контролировали ситуацию в университете и на площадях, в связи с чем на следующий день в столицу штата — Ангелополис — были введены войска, которые силовым путем начали пресекать любые очаги сопротивления. Июльский Органический закон об университетской автономии был отменен, за исключением ряда статей [22, р. 229]. Однако из-за развернувшегося конфликта между правыми и левыми переработка закона была отложена, и университет Пуэблы фактически потерял независимость. Лишь спустя полтора года, после смены губернатора штата, 21 февраля 1963 г. был принят новый Органический закон, окончательно запретивший политическую и религиозную пропаганду в стенах университета.

После событий 1961 г. *FUA* не только утратил контроль над Почетным советом, но и поддержку в самом университете, поскольку, руководствуясь новыми законами, левые стали проводить целенаправленную политику по выдавливанию *FUA* из университетских стен [6, р. 200]. Существование *FUA* в те годы поддерживалось как за счет непостоянных союзов с город-

скими властями, так и благодаря сотрудничеству с католическим движением Дни христианской жизни (*Jornadas de Vida Cristiana*), через которое *FUA* хоть и весьма ограничено, но все же продолжал присутствовать в жизни университета. К концу 1960-х годов *FUA* в качестве активной католической организации был вытеснен *MURO* (1961—1981 гг.) и к 1973 г. прекратил свою деятельность.

FUA и схожие с ним организации были созданы правыми по образу и подобию католических молодежных организаций первой половины XX в. Их политические методы, часто сопровождавшиеся насилием, утратили свою актуальность к началу 1980-х годов в рамках общих изменений, происходящих внутри католической церкви, задававшей идеологический вектор подотчетным ей молодежным объединениям. Второй Ватиканский собор 1962 г. запустил процесс модернизации социальной доктрины католической церкви. В частности, доминировавший в верхушке католического клира дискурс борьбы с теологией освобождения сменился попытками взять ее сторонников «под опеку» [32, р. 30]. Теология освобождения предлагала концепцию построения общества в духе христианского социализма, исключая насильтвенное сопротивление. В условиях развития этих обновленческих тенденций внутри церкви потребность в таких организациях, как *FUA*, постепенно отпала.

1960-е годы стали эпохой глобальных перемен во всем мире, о чем свидетельствовали локальные конфликты периода холодной войны, процессы деколонизации, обновленческие тенденции в католической церкви и распространение новой молодежной культуры. В этом сложном глобальном контексте интеллектуалы пытались переосмыслить роль университета в качестве актора процесса социальных преобразований [33, р. 87]. Начавшиеся еще в 1950-е годы проникновение левых в университетскую среду, превратившуюся в поле идеологической и политической борьбы, и их последующее столкновение с консервативными элементами вылилось в масштабные студенческие волнения, перетекшие в мировую молодежную революцию. 1968 г. стал знаковым для многих стран, в том числе и для Мексики, ознаменовав масштабный слом прежних социальных и культурных конструктов. К студенческим протестам присоединились представители интеллигенции, среднего класса и рабочих. Несмотря на то, что протесты против авторитаризма были жестко подавлены мексиканским правительством, они обнажили глубокий кризис действовавшей системы. В долгосрочной перспективе главным достижением мексиканского студенческого движения 1968 г. стал переход к новой политической культуре, действующей вне корпоративного контроля правительства, и создавшей условия для расцвета левого движения в стране [34, pp. 71-72].

В борьбе за университетскую автономию и образование правые силы потерпели поражение, поскольку на тот момент оказались не способны противопоставить что-либо конкурентоспособное идеям левых, требовавших демократических свобод и социальной справедливости. В этом контексте *FUA* вошел в историю как еще один пример молодежной католической организации, созданной для вовлечения студентов в идеологическую борьбу. В нем воплотились все ключевые элементы, свойственные мексиканским правым: сопротивление попыткам изменить устоявшийся обществен-

ный порядок, опора на католическую церковь и получение поддержки со стороны среднего и высшего классов [35, р. 96]. Как показывают рассмотренные события в Пуэбле, реальные цели *FUA*, скрытые за громкими лозунгами о борьбе с коммунизмом, носили вполне практический, свойственный многим политическим проектам характер, заключавшийся в установлении контроля над университетской средой и влиянии на политику в регионе.

В середине XX столетия мексиканские правые католические силы Пуэблы, обеспокоенные меняющейся социально-политической обстановкой внутри страны и за ее пределами, предприняли попытку сохранить свое влияние в местной молодежной среде. *FUA* должен был стать инструментом сдерживания левых сил на локальном уровне, но организованный в идеологическом плане по образцу создававшихся ранее объединений, не смог предложить привлекательный для молодежи план решения накопившихся социальных проблем. Лозунги борьбы с коммунизмом и поддержки церкви не дали желаемого результата в условиях постепенной либерализации и секуляризации университетского пространства. Однако *FUA* все же внес свой вклад в трансформацию правого движения в Пуэбле, поскольку его неудачи продемонстрировали неэффективность насильтственных методов и побудили правых впоследствии отказаться от их дальнейшего применения. Кроме того, внутриполитические изменения в стране, произошедшие уже в 1970-х годах, а также изменения внутри самой католической церкви открыли для правых сил новые возможности и способы для расширения политического влияния.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ларин Е.С. Борьба церкви с государством в Мексике. (Восстание «кристерос» в 1926–1929 гг.). М., Наука, 1965, 316 с. [Larin E.S. Bor'ba tserkvi s gosudarstvom v Meksike. (Vosstanie «kristeros» v 1926–1929 gg.). [The struggle between the church and the state in Mexico. (Cristeros Rebellion 1926–1929)]. Moscow, Nauka, 1965, 316 p. (In Russ.).]
2. Селиванова И.В. Идеология движения «кристерос» в Мексике. *Латиноамериканский исторический альманах*. М., 2019. № 24. сс.7–20. [I.V. Selivanova. Ideologiya dvizheniya «kristeros» v Meksike [The ideology of the «cristeros» movement in Mexico]. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*. Moscow., 2019, N24, pp.7–20. (In Russ.).]
3. Hurtado Raza L.A. Diferentes agrupaciones católicas de derecha en el siglo XX en México. Sociedades secretas, agrupaciones públicas que se clandestinan o híbridas: secretas y públicas, y públicas infiltradas por una secreta. *Tesis para obtener el grado de maestro en Estudios Políticos y Sociales*. México, Sociedad Mexicana de Estudios Electorales, A.C., Instituto Electoral del Distrito Federal, 2014, 266 p.
4. Delgado A. El Yunque: la ultraderecha en el poder. México, Plaza y Janes, 2003, 115 p.
5. Santiago Jiménez M.V. Anticomunismo católico. Origen y desarrollo del movimiento universitario de renovadora orientación (MURO), 1962-1975. *Las derechas en el México contemporáneo*. México, 2015, pp.187-254.
6. История Латинской Америки во второй половине XX века. М., Наука, 2004. 607 с. [Istoriya Latinskoi Ameriki vo vtoroi polovine KhKh veka. [Latin American history in the second half of the twentieth century]. Moscow, Nauka, 2004, 607 p. (In Russ.).]
7. Uribe M. La ultraderecha en México: el conservadurismo moderno. *El Cotidiano*, N149, mayo-junio, 2008, pp.39-57.
8. Щелчков А.А. Консервативно-клерикальная утопия в Мексике: синаркистское движение. *История*. М., 11.12.2021. [Shchelchkov A.A. Konservativno-klerikal'naya utopiya v Meksike: sinarkistskoe dvizhenie. [Conservative-clerical utopia in Mexico: the Sinarcista movement]. *Istoriya*. Moscow, 23.02.2016. Available at: <https://history.jes.su/s207987840017600-9-1> DOI: 10.18254/S207987840017600-9 (accessed 30.06.2021) (In Russ.).]

9. Márquez Carillo J. Política, Reforma Universitaria y sociedad en Puebla (México), 1958-1965. *Debates por la historia*. Vol. 8, N1, enero-junio de 2020, pp.205-242.
10. Carr B. La izquierda mexicana a través del siglo XX. México, Era, 1996. 423 p.
11. *El Sol de Puebla*. Martes 19 de abril de 1955.
12. Hurtado Raza L.A. Las caras de El Yunque u Orquesta, un acercamiento al actuar de una sociedad reservada-secreta. *Historia y Grafía*, Universidad Iberoamericana, vol.22, N44, enero-junio 2015, pp.189-217.
13. Schmidt Nedvedovich S., Velázquez Caballero D.M. La judeofobia mexicana: raíces y consecuencias en la derecha política. *El Cotidiano*, N185, mayo-junio, 2014, pp. 47-62.
14. González F.M. Integralismo, persecución y secreto en algunos grupos católicos en México en el siglo XX. *El Estado mexicano: Herencias y cambios. sociedad civil y diversidad*. México, 2005, vol.3, pp. 229-276.
15. Frente Universitario Anticomunista, zona Puebla Oficinas centrales: Av.8 Ote. N203-Altos. Archivo Privado de Manuel Díaz Cid. – Hurtado Raza L.A. Diferentes agrupaciones católicas de derecha en el siglo XX en México. Sociedades secretas, agrupaciones públicas que se clandestinizan o híbridas: secretas y públicas, y públicas infiltradas por una secreta. *Tesis para obtener el grado de maestro en Estudios Políticos y Sociales*. México, Sociedad Mexicana de Estudios Electorales, A.C., Instituto Electoral del Distrito Federal, 2014, pp.164-167.
16. Blancarte R. La doctrina social del episcopado católico mexicano. *El pensamiento social de los católicos mexicanos*. México, 1996, pp.19-38.
17. Graves de communi. Encíclica de LEÓN XIII. Sobre la Democracia Cristiana. Del 18 de enero de 1901. Available at: https://www.mercaba.org/LEON%20XIII/graves_de_commu.htm (accessed 16.01.2022).
18. Carta encíclica Rerum Novarum del sumo pontífice León XIII sobre la situación de los obreros. Available at: https://www.vatican.va/content/leo-xiii/es/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_15051891_rerum-novarum.html (accessed 01.01.2022).
19. Bernardo Barranco V. Posiciones políticas en la historia de la Acción Católica Mexicana. *El pensamiento social de los católicos mexicanos*. México, FONDO DE CULTURA ECONÓMICA, 1996, pp. 39-70.
20. Ideario del Frente Universitario Anticomunista. Archivo Privado de Manuel Díaz. – Hurtado Raza L.A. Diferentes agrupaciones católicas de derecha en el siglo XX en México. Sociedades secretas, agrupaciones públicas que se clandestinizan o híbridas: secretas y públicas, y públicas infiltradas por una secreta. *Tesis para obtener el grado de maestro en Estudios Políticos y Sociales*. México, Sociedad Mexicana de Estudios Electorales, A.C., Instituto Electoral del Distrito Federal, 2014, pp.167-168.
21. Santiago Jiménez M.V. El Yunque de México: del periodismo a la historia. *Las derechas en América latina en el siglo XX: problemas, desafíos y perspectivas*. Sección 2 – Derechas y extremas derechas. 2016. Available at: <https://journals.openedition.org/nuevomundo/68832?lang=pt> (accessed 03.03.2021).
22. Márquez Carillo J. Política regional y reforma universitaria en Puebla (México), 1958-1965. *Debates por la Historia*. Universidad Autónoma de Chihuahua, Chihuahua, 2020, vol. 8, N1, pp.205-242.
23. Santiago Jiménez M.V. La universidad como «campo de batalla». Tres escenarios de participación política de jóvenes católicos radicales anticomunistas en México 1934-1975. *Historia y problemas del siglo XX*. Departamento de Historia del Uruguay, Facultad de Humanidades y Ciencias de la Educación, Universidad de la República y Archivo General de la Universidad de la República. Enero-julio de 2020, vol.12, N11, pp.86-102.
24. *Política*. 15 de mayo de 1961.
25. Dávila Peralta N. Las santas batallas, el anticomunismo en Puebla. BUAP, 2003, 254 p.
26. Tirado Villegas G. A. ¡Cristianismo Sí, Comunismo No! Reforma Universitaria y violencia Universidad Autónoma de Puebla, 1961 (México). *Cuadernos de Marte*. Buenos Aires, 2019, N17, pp.55-82.
27. *El Sol de Puebla*. 22 de abril de 1961.
28. XV Carta Pastoral del Arzobispo de Puebla sobre el Comunismo Ateo, Arzobispado de Puebla, 15 de mayo de 1961, 7 p.
29. Louvrier Calderón J., Díaz Cid M. y Arrubarrena Aragón J.A. Autonomía universitaria, luchas de 1956 a 1991, génesis de la UPAEP, la versión de la ultraderecha poblana. México, 1991, 173 p.

Ирина Веселова

30. Archivo Histórico Universitario de la BUAP, (AHUBUAP), Ficha 10, Expediente 10, Fondo UAP, colección movimientos estudiantiles, foja 1. – Ronquillo Navarro J.P. El papel histórico de la Universidad Autónoma de Puebla de 1960 a 1973. Una lucha ideológica. Tesis de maestría. BUAP, 2017, 211 p.
31. González Ruiz E. MURO: memorias y testimonios, 1961-2002. Puebla, Gobierno del Estado de Puebla: Benemérita Universidad Autónoma de Puebla, 2003, 587 p.
32. Богомазов В.М. Ватикан - Латинская Америка. Век XXI. М., Аванглион-Принт, 2016, 320 с. [Bogomazov V.M. Vatikan - Latinskaya Amerika. Vek XXI. [Vatican - Latin America. XXI Century]. Moscow, Avanglion-Print, 2016, 320 p. (In Russ.).
33. Luciani L. Movimientos estudiantiles latinoamericanos en los años sesenta. *Historia y Memoria*. Universidad Nacional de Rosario, Rosario, 2019, pp.77-111.
34. Rivas Ontiveros J.R. Antecedentes, desarrollo y repercusiones del '68 mexicano. *Los 68 latinoamericanos: movimientos estudiantiles, política y cultura en México, Brasil, Uruguay, Chile, Argentina y Colombia*. CLACSO, Buenos Aires, 2018, pp.53-77.
35. Hurtado Raza L.A. La Derecha en el México moderno: propuesta de caracterización. *Estudios Políticos*. Universidad Nacional Autónoma de México, México, N29 (mayo-agosto, 2013), pp.89-113.

Irina Yu. Veselova (veselova-iyu@rudn.ru).

Candidate of the historical sciences, PhD in History (Universitat de les Illes Balears), associate professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences of the Peoples' Friendship University of Russia

St. Miklukho-Maclay, 6, 117198 Moscow, Russian Federation

The Mexican university anti-communist front (1955—1973). The influence of the Catholic Church and the struggle for control of the university environment

Abstract. This article examines the history of the emergence and activities of the Mexican University Anti-Communist Front (Frente Universitario Anticomunista, FUA), a right-wing Catholic youth organization which was formed in Puebla. Based on sources from the personal archive of the second president of the FUA, Manuel Antonio Diaz Cid, as well as on the documents of the Catholic Church, publications in the press and memoirs of contemporaries of the events, the author of the article aims to identify the ideological base of the FUA and determine the main methods of struggle of this organization with ideological opponents. Founded under the patronage of church figures in Puebla, the FUA was a hybrid social organization, combining elements of an open and secret society. Using loud slogans about the fight against communism as a facade, FUA members set themselves quite practical goals, which consisted in establishing control over the university environment and influencing politics in the region. However, the FUA's strategies of struggle proved ineffective in the context of the gradual liberalization and secularization of university space that took place in Mexico in the middle of 20th century.

Key words: Mexico, catholic church, universities, power, ideology.

DOI: 10.31857/S0044748X0021208-7

Received 19.05.2022.